

так страстно стремился пробудить любовь к ней, показывая ее несказанную красоту. Призыв беречь землю, воду, деревья и травы — словом, все то, что сегодня принято именовать «окружающей средой», звучит у Токутоми отчетливо. Тревога писателя созвучна нашему времени — не напоминает ли это еще раз о том, что чуткое ухо художника часто улавливает гул надвигающейся катастрофы еще тогда, когда остальные пребывают в безмятежности?

Неблагополучие, которое ощущает Токутоми в природе, исходит от людей, от общества. «Прогнило что-то» в самом этом обществе, нет в нем желанной гармонии, нет справедливости.

Кроме зарисовок и эссе в «Избранное» входит известная повесть Токутоми «Пепел». Ее события происходят в первые годы после реставрации Мэйдзи. Гибель семьи Уэда, потомков некогда могущественного рода, предопределена, ибо в ней свили гнездо ненависть и смертельная вражда. Старший брат ненавидит младшего и становится причиной его смерти. Тема братской вражды не случайна для Токутоми. Этот мотив разрабатывается и в небольшом рассказе «Братья». Разрыв Токутоми со старшим братом заставляет предположить истоки этой темы в его творчестве. Вообще в произведениях Токутоми много автобиографично.

Перевод «Избранного» точен и выразителен. Книги Токутоми Рока справедливо причисляют к золотому фонду новой японской литературы. Можно только радоваться тому, что советский читатель получил возможность приобщиться еще к одному феномену японской культуры.

Л. ГРОМКОВСКАЯ

*Издано  
за рубежом*

## ДЕРЕВЬЯ ЖАКА ПРЕВЕРА

Jacques Prévert. Arbres. Paris, Gallimard, 1976.

Жак Превер. Деревья. 1976.

«**Д**еревья» — последний поэтический сборник Жака Превера, выпущенный незадолго до его смерти. Поэт, который всегда был широко популярен среди молодежи, не так уж много публиковался при жизни. Не в пример писателям, жаждущим как можно скорее увидеть собственные творения напечатанными, Жак Превер только в 1946 году решился издать отдельным сборником свои

стихи, рассеянные по разным журналам или хранившиеся в ящиках его письменного стола. И только настойчивость друзей подвигла его на этот шаг. Жаку Преверу было в тот момент сорок шесть лет, и он уже успел приобрести некоторую известность — поначалу этому способствовало его присоединение в 1930 году к сюрреалистам, а затем успешное выступление в качестве сценариста во множестве фильмов. Некоторые из них считаются подлинными шедеврами: «Забавная драма», «Вечерние посетители», «Дети райка». Советским зрителям хорошо известны фильмы «Набережная туманов» и «Собор Парижской Богоматери», поставленные по сценариям Превера. С 1932-го по 1936 год Превер написал несколько коротких пьес, поставленных группой «Октябрь» — театральным коллективом, тесно связанным с Народным фронтом.

Сборник под названием «Зрелище», выпущенный уже после войны (1951), объединил пьесы для театра и лирические стихи Превера, в том числе и ставшие столь популярными песни «Сангина» и «Влюбленные дети»:

К воротам ночи прижавшись,  
Влюбленные дети в обнимку стоят.  
А прохожие мимо идут  
И на них с возмущением глядят.  
Но дети, которые любят друг друга,  
Не видят прохожих.  
Не замечают рассеянный взгляд.  
И только две слившихся тени  
Во мраке дрожат.  
Вызывая зависть, и смех, и презренье  
У мимо идущих прохожих... Однако  
От сумрака ночи вдали  
И вдаль от рассвета  
Не видят влюбленные дети все это  
В сияющем свете первой любви!

Сборник «Зрелище» показал, как вырос поэт за прошедшие тридцать лет, со времени его первых литературных опытов, и как поваяло на него все лучшее, что было в 30-е годы, а затем столь важный для французозов момент Освобождения.

Превер продемонстрировал, что поэзию можно создавать посредством самых простых, каждодневных слов, и с помощью этих слов отразил абсурдную реальность, при которой привилегированное меньшинство эксплуатирует лишенное всех привилегий большинство.

Мне кажется вполне логичным для творчества Превера, что его последний сборник (с большим вкусом иллюстрированный художником Ж. Рибемон-Дессеном) посвящен деревьям — не только потому, что, устращаясь разрушений, вызванных индустриализацией, сейчас много говорят об экологии, но и потому, что между этим представителем города, каковым являлся поэт, и деревней или, точнее, его постоянной мечтой о деревне была тесная связь. Вспомним, как писал Превер о маленьких уличных ручей-

<sup>1</sup> Переводы стихов принадлежат М. Кудинову.

СРЕДИ КНИГ



ках, вытекающих из пригородов и вливаю-  
щихся в реки:

Проворный, как мышонок,  
Мышонок из Обервилье,  
И как беда, что бегаёт  
По улицам Обервилье,  
Бежит по мостовой ручей  
И словно хочет поскорей,  
Как можно поскорей сбежать  
Из города Обервилье;

Сбежать в леса,  
Сбежать в поля,  
Где дышит свежестью земля,  
Сбежать, чтоб рассказать друзьям,—  
Полям, и рекам, и лесам,  
О чем мечтает люд рабочий  
Под крышами Обервилье.

Деревья, те деревья, о которых мечтал  
Превер, не прячутся в лесном сумраке. Они  
не таят в себе никаких секретов. Они близ-  
ки нам:

Когда-то  
деревья  
пришли неизвестно откуда.  
Когда-то  
деревья  
были такими, как мы.  
Но отметим:  
они были крепче,  
счастливей,  
мудрее,  
влюбленней, быть может.  
И что же?  
Все сказано этим!

Дерево у Превера — постоянный спутник  
и друг человека даже в городе:

В Антибе,  
на улице Лопиталь,  
где кошачья трава  
между плит мостовой  
прорастает несмело,  
есть высокое дерево  
под названием карнас,  
и растёт оно возле приюта  
для престарелых.

«Да, конечно, это карнас» —  
говорит старик из приюта,  
на каменной сидя скамье,  
возле каменной сидя стены.

И голос его баюкают  
солнечные блики весны.

В этом стихотворении — весь Превер,  
поэт бедных и простых людей. «Это чрез-  
вычайно раннимый человек с обостренной  
чувствительностью, страдающий от того,  
что в мире, основанном на равнодушии, он  
не может выразить свою нежность. И в  
отчаянии он сам рядится в маску и мстит  
несчастным участникам и одновременно  
жертвам маскарада, в который они поне-  
воле оказались вовлеченными», — сказал о  
поэте один из критиков.

В последних стихах Превера деревья —  
живые существа, страдающие, повергнутые  
наземь, израненные, отравленные бензин-  
ными испарениями, и поэт заставляет их  
вступить в битву — и это бунт не только  
деревьев:

То были настоящие деревья,  
то были  
деревья, чье терпенье истощилось,  
деревья, что готовы были строить,  
окны сбросив, строить баррикады,  
подобно людям в лучшие их дни,  
как их история об этом повествует.  
То были настоящие деревья  
с их белками,  
их птицами,

жуками,  
деревья праздничные,  
чуть навеселе,  
завоевавшие  
себе свободу сами.

Праздник, свобода — ключевые слова, ко-  
торые, словно баррикады, защищают от  
глупости и жестокости: ключевые слова,  
которые помогают приобщиться к чуду и  
услышать поощую птицу в стихотворении  
«Страница поэзии»:

И птица-лира играет,  
ребенок поет,  
а учитель  
кричит: «Перестаньте,  
перестаньте валять дурака!»  
Все дети слушают музыку,  
рушатся стены класса,  
в песок превращаются стекла,  
сделанные из песка,  
и чернила становятся снова  
ручьем, и ручей струится,  
превращаются парты в деревья,  
и становится ручка с пером  
птицей.

Как песня этой волшебной птицы, поэ-  
зия Превера, с ее негромким лиризмом,  
воспевает человека улицы. Вот почему  
поэт навсегда останется одним из главных  
свидетелей нашего времени.

АНДРЕ РЕМАКЛЬ

г. Марсель

## УДУШЬЕ ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Demirtaş Seyhun. Yağmur sığağı. Is-  
tanbul, Cem Yayınevi, 1976.

Демирташ Джейхун. Удушье пе-  
ред грозой. 1976.

Город Адана, расположенный  
на юге Турции среди благо-  
датной долины, орошаемой водами Сайха-  
ни, окруженный фруктовыми садами и  
плантациями хлопчатника, город батраков  
и поденщиков, тысячами стекающихся сю-  
да на время уборки, грузчиков-хамалов, ра-  
бочих тракторосборочных заводов, по-юж-  
ному страстный, со своеобразным говором  
и древней историей сыграл в турецкой ли-  
тературе роль, схожую, пожалуй, с той,  
что сыграла в русской литературе первой  
четверти нашего века Одесса. Адана взра-  
стила плеяду самобытных талантов и среди  
них крупнейших романистов страны — Ор-  
хана Кемала и Яшара Кемала, имена ко-  
торых известны ныне за пределами Тур-  
ции.

В Адане родился, вырос и какое-то вре-  
мя работал архитектором прозаик Демир-  
таш Джейхун. Он начал печататься добрых  
четверть века назад, но широкое призна-  
ние обрел лишь в начале семидесятых го-  
дов, когда был удостоен трех крупнейших  
премий подряд, в том числе премии осно-  
ванного Ататюрком Общества турецкого  
языка.

Если Орхан Кемаль посвятил творчество  
жизни «маленького человека» — рабочего,  
мелкого чиновника, поденщика, а Яшар